

Т.В. Куш

Институт Всеобщей истории РАН

**О ФРАНЦИИ И ФРАНКОВЕДЕНИИ.
БЕСЕДА С П.Ю. УВАРОВЫМ
(К 65-летию со дня рождения)**

Публикуется интервью с известным историком, член-корреспондентом РАН, заведующим Отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН Павлом Юрьевичем Уваровым, взятое по случаю его 65-летия. П.Ю. Уваров рассказывает о выборе профессии, учебе в институте, своем становлении как историка-медиевиста, поездках во Францию и работе во французских архивах. Первой темой его научных изысканий стала история Парижского университета, изучение которой в дальнейшем привело ученого к исследованию более широкой проблемы социальной стратификации французского общества в начале Старого порядка. Одной из тем, вызывающих научный интерес П.Ю. Уварова, является современная историография истории Франции. В интервью уделено внимание анализу состояния франковедческих исследований в России и Франции, характеристике корпорации медиевистов, влиянию французской историографии на российскую историческую науку. Ключевые слова: П.Ю. Уваров, Франция, Средние века, раннее Новое время, франковедение, историография

Цитирование: Куш Т.В. О Франции и франковедении. Беседа с П.Ю. Уваровым (К 65-летию со дня рождения) DOI 10.32608/0235-4349-2021-1-54-448-474 // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 448-474.

Поступила в редакцию: 04.01.2021

Принята к печати: 17.01.2021

Tatiana V. Kushch

Institute of World History,

Russian Academy of Sciences

**ABOUT FRANCE AND FRENCH STUDIES.
INTERVIEW WITH PAVEL YURYEVICH UVAROV
(on the 65th anniversary of his birth)**

It is an interview with Pavel Uvarov, a well-known historian, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, head of the Department of

Western European Middle Ages and Early Modern Period of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, taken on his 65th birthday. P. Uvarov talks about choosing a profession, his studying at the university, his formation as a medievalist, voyages to France and work in French archives. The first topic of his scientific research was the history of the University of Paris, the study of which later led him to investigate the broader problem of the social stratification of French society at the beginning of the Ancient Regime. One of the main topics of research interest for P. Uvarov is the modern historiography of the history of France. The interview focuses on the analysis of the peculiarity of French studies in Russia and France, the characteristics of the corporation of medievalists, the influence of French historiography on historical studies in Russia.

Keywords: Pavel Uvarov, France, The Middle Ages, French studies, early modern period, historiography

Citation: Kushch, T.V. (2021). О Франсии и франковедении. Beseda s P.Iu. Uvarovym (К 65-летию со дня рождения) [About France and French Studies. Interview with Pavel Uvarov (On the 65th anniversary of his birth)]. DOI 10.32608/0235-4349-2021-1-54-448-474. Annual of French Studies 2021, vol. 54, p. 448-474.

4 января 2021 г. свой 65-летний юбилей отметил Павел Юрьевич Уваров, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заведующий отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН. Среди многочисленных почетных званий и обязанностей в его послужном списке значится и членство в редколлегии «Французского ежегодника», в судьбе которого он принимает живейшее участие. В беседе с Павлом Юрьевичем мы обсуждали темы, связанные с историей Франции и сообществом историков, ее изучающим. Мы говорили о выборе им профессии, его становлении как специалиста по истории Франции XVI в., особенностях работы с архивными источниками, состоянии медиевистических исследований в отечественной и французской историографии. Его размышления о сложностях работы историка-медиевиста, характере франковедческой корпорации и особенностях научной коммуникации позволяют охарактеризовать состояние современных исследований по истории Франции и мир ученых, погруженных в изучение французского Средневековья.

Татьяна Куш: Нашу беседу я начну с вопроса о Вашем выборе профессии. Как он был сделан? Почему история? Мне кажется,

что семья и среда, в которой Вы росли, должны были в большей степени располагать к занятиям филологией или искусством.

Павел Уваров: Вообще-то я всю жизнь хотел быть проводником железнодорожного вагона дальнего следования: иногда ощущаю себя именно в этом качестве. Это то, что мне понятно – такой предел мечтаний. А филология меня никогда не привлекала, нет. Историей же, может быть археологией или палеонтологией, я болел, как все в моем детстве. Мы с другом произвели у нас во дворе раскопки и раскопали... теплоцентраль, которую я пытался датировать. Но потом пришел дворник и раскопки закончились. Еще я прочел в детстве несколько книжек по истории, которые произвели на меня впечатление. Одна из них – книга М. Ильина (брата С.Я. Маршака) и Е. Сегал «Как человек стал великаном». Я очень неспешно ее читал, по-моему, в классе четвертом. И как-то с тех пор история стала мне интересна. Я не мог остановиться на чем-то конкретном, но решил, что в целом всё это мне подходит.

Позже на меня очень сильно повлиял Л. Гумилев, и это, думаю, легко заметить. Наверное, где-то в девятом классе я прочитал его книгу «В поисках вымышленного царства» и очень захотел быть монголоведом, но на востоковедение я бы не поступил и пошел в Московский государственный педагогический институт – не от большой любви к педагогической работе, но полагая, что уж в крайнем-то случае преподавать я смогу. У нас в школе сначала была очень неплохая учительница, но потом пришла другая, довольно слабенькая, и как педагога мне было ее жалко. Я подумал, что так, как учит она, я смогу, и даже лучше, а хуже – вряд ли. Потому и поддался на этот соблазн и с большим трудом, но все-таки поступил. У меня был очень плохой аттестат, а тогда как раз ввели конкурс аттестатов. У меня в аттестате практически не было четверок, только тройки и пятёрки в равном количестве.

Т. К. Ваш родительский дом – это особый мир, где бывало много известных, талантливых людей. Насколько среда творческой интеллигенции 1960-х гг., которая Вас окружала в детстве и юношестве, повлияла на Ваши литературные пристрастия и мировоззрение?

П. У. Как и полагается подросткам, я испытывал реакцию отторжения – это всё не про меня, я отдельно, сам по себе. Не то, чтобы я вступал в какие-то конфликты, нет, но для сохранения идентичности мне нужно было максимально от всего дистанцироваться. И история, которая мне тогда представлялась наукой се-

рзной и от которой, полагал я, много что, в отличие от искусства, зависит, казалась выходом. И только гораздо позже пришло понимание, сколь многое из детских лет в меня впиталось.

Т. К. Я читала в книге Ирины Павловны Уваровой¹ о том, что Вы посещали с ней М.М. Бахтина²...

П. У. Она, действительно, водила меня к нему, когда он уже жил с супругой в Подмоскowie в пансионате на станции Гривно, затем в Баковке, потом уже в Москве у метро Аэропорт. Она пару раз брала меня с собой, видимо, потому что дома оставить было не с кем.

Т. К. Вашим научным руководителем в пединституте стала Александра Андреевна Кириллова³, которая не была франковедом – она изучала историю английского города. Почему Вы занялись историей Франции? Чем определен этот выбор?

П. У. Прежде всего тем, что я знал французский язык. Заниматься отечественной историей я не хотел – она была слишком идеологизированной. Хотя ее у нас тогда преподавал Владимир Борисович Кобрин⁴. Ему почему-то временно дали читать лекции на дневном отделении, хотя обычно он вел занятия на вечернем. Он произвел на меня большое впечатление. Но все же меня больше привлекала «чужая» история, где можно было чувствовать себя свободнее. Я ведь начинал заниматься не прицельно Францией, а университетами, и по техническим причинам – знание языка – сконцентрировался на французских университетах. Кроме того, мой отец, очень любивший Францию, хорошо знал ее историю, и его влияние, конечно, тоже сказалось.

Т. К. В Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина в 1970–1980 гг. преподавало много сильных историков...

П. У. С годами понимаешь, что это была, действительно, сильная школа. Да и я пошел в пединститут отчасти потому, что был уверен: сам институт школы скоро исчезнет. Когда я учился в старших классах, мне казалось, что все рушится, везде полный бардак, хуже быть не может, следовательно, когда я закончу пединсти-

¹ Уварова И.П. Даниэль и все, все, все... М., 2014.

² Бахтин Михаил Михайлович (1895–1975) – философ, культуролог, литературовед, исследователь карнавальной культуры Средневековья.

³ Кириллова Александра Андреевна (1904–1984) – советский историк, специалист по истории английского средневекового города.

⁴ Кобрин Владимир Борисович (1930–1990) – советский историк, специалист по русской истории XV–XVI вв.

тут, школы как таковой уже не будет и ее заменит что-то другое. А сейчас вот говорят, что то время было лучшим периодом советской педагогики. Схожим образом я думал тогда и о пединституте, особенно на старших курсах. Мне казалось, что хуже некуда. Вернее, так я думал на пятом курсе, а на первом мне казалось, что плохо, но я еще не знал, насколько. Однако, когда теперь я встречаюсь с выпускниками тех лет, они говорят: «Вот нас учили как следует. У нас классическое образование, не то, что у нынешних». И мне трудно с этим спорить. Я разминулся с В.Ф. Семеновым⁵, который скончался как раз тогда, когда я поступил. Но на кафедре в качестве совместителя преподавал С.Л. Утченко⁶. Какое-то время до моего поступления работал М.А. Барг⁷. У нас преподавали В.М. Володарский⁸ и Д.С. Бабурин⁹ из МГУ. Люди были, в общем, совсем неплохие, но, конечно, встречались и не очень хорошие. Поначалу в институте все же царил доброжелательность, особенно когда деканом был Г.Ф. Семенюк¹⁰. Но не ощущалось такого духа корпоративизма, который есть в МГУ, как бы к нему не относиться.

Т. К. Тема по истории средневековых университетов была личным выбором или Вам ее предложили?

П. У. Это был мой выбор, потому что я не мог решить, что мне интересней. Меня привлекало то, чем любил заниматься К. Леви-Стросс¹¹: что-то, связанное с обрядами, вообще первобытностью, хотя я понимал, что возникнет проблема с источниками. И, конечно, мне была интересна Франция, Средние века и т. д. Вот я и искал такую точку, где все эти интересы могут пересечься. Бахтина, конечно, я видел, но это не значит, что я оценил тогда масштаб его творчества. Однако потом, познакомившись с его размышлениями о карнавальная культуре, я увидел, что наследие древнейших традиций прорывается в особых университетских ритуалах и город-

⁵ Семенов Виктор Федорович (1896–1973) – советский историк, специалист по социально-экономической истории Англии XVI–XVII вв.

⁶ Утченко Сергей Львович (1908–1976) – советский историк-антиковед.

⁷ Барг Михаил Абрамович (1915–1991) – советский историк, методолог, специалист по истории Англии.

⁸ Володарский Всеволод Мордухович – историк, специалист по истории и культуре Германии и Швейцарии раннего Нового времени.

⁹ Бабурин Дмитрий Сергеевич (1909–1982) – советский историк, специалист по истории государственных учреждений.

¹⁰ Семенюк Геннадий Федорович – советский историк-русист, декан исторического факультета МГПИ им. В.И. Ленина в 1972–1978 гг.

¹¹ Клод Леви-Стросс (1908–2009) – французский этнолог, культуролог, основоположник структурной антропологии.

ских праздниках. Кроме того, по университетам было достаточно много источников. И я решил действовать в этом направлении.

Т. К. Почему, на Ваш взгляд, тема средневековых университетов остается в отечественной медиевистике историографической «золушкой»? Вы сами отмечали, что это золотая жила. Но, по большому счету, после появления в 1898 г. книги Н.С. Суворова «Средневековые университеты» российская историография не так далеко продвинулась. Как случилось, что яркая и самобытная культура средневековых университетов оказалась не слишком привлекательной для советских и российских исследователей?

П. У. Диссертации по истории университетов защищались в СССР – о Гейдельбергском, Пражском, итальянских университетах, но потом люди куда-то уходили. В общем-то я ведь тоже ушел – лишь одной ногой или даже одной пяткой остался в университетской тематике. Прежде всего, как мне кажется, чтобы заниматься средневековыми университетами, нужна лингвистическая подготовка – нужно знать, причем очень неплохо, латынь и, если заниматься не только внешней, но и внутренней историей университета иметь представление об истории философии, логики и пр. Это интересно, но очень сложно.

Т. К. Университетская история и культура не только интересная, но и необычайно востребованная тема в настоящее время.

П. У. Да, тема востребованная, а обобщающих работ по ней нет. Конечно, перевели, хотя и достаточно поверхностно, работы Жака Верже¹² по истории университетов. Вышла в русском переводе книжечка Жака Ле Гоффа¹³ «Интеллектуалы в Средние века». У меня была идея создать какое-то сообщество историков, занимающихся этой проблемой. Одно время я дружил с компанией, которая, работая на базе Музея истории МГУ, готовила многотомное издание «Университет для России». Я даже рецензию на их первый том опубликовал в «Вопросах философии». Меня интересовали неожиданно проявившиеся общие черты в истории университетов разных веков и стран. Ясно было, сколь многое может дать кооперация усилий тех, кто занимается университетской историей. Мы даже думали создать ассоциацию исследователей университетов. Но когда они пришли с этим к своему руководству, то им ответили, что есть Московский университет, а других нет и быть не может. И какая тут может быть ассоциация?

¹² Жак Верже – французский историк-медиевист, специалист по истории средневековых университетов.

¹³ Жак Ле Гофф (1924–2014) – французский историк-медиевист.

Т. К. История российских университетов все же изучена.

П. У. Сейчас изучена, но тогда нет. Рассматривать же историю российских университетов в контексте общеуниверситетской предлагал только А.Ю. Андреев в своей книге¹⁴. Хотя Е.А. Вишленкова¹⁵ и ее команда понимали, что при изучении российских университетов нужен европейский контекст, но сами они историей европейских университетов долгое время не занимались. Написать историю своего университета – это отдельная, безумно интересная задача. Причем надо написать так, чтобы это была история именно университета, а не отдельных кафедр или выдающихся людей. Сейчас стали появляться не только сугубо официозные истории отдельных университетов – это оказалось востребованным.

Т. К. Вернемся к «французской линии» нашего разговора. В каком году Вы в первый раз оказались во Франции?

П. У. В сентябре 1989 года.

Т. К. К тому времени у Вас за плечами уже была защищенная кандидатская диссертация по истории Парижского университета, и по источникам и литературе Вы хорошо представляли себе топографию средневекового Парижа. Какое было ощущение от первой встречи с городом, «книжный образ» которого уже сложился? Испытали ли Вы «эффект узнавания»?

П. У. У Булата Окуджавы есть песня «Плач по Арбату», где он себя называет арбатским эмигрантом: «И ходят оккупанты в мой зоомагазин... Ах, флора там все та же, да фауна не та». Мое ощущение можно передать так: «Это же я придумал этот мир, а теперь в нем появились какие-то люди, которые говорят, что это их мир. Что за бред? Вот тут стояло же совсем другое, а барон Осман проложил здесь бульвар...» Такое, может быть немного наигранное, было ощущение. Вообще я стал заниматься Францией, очень хорошо понимая, что никогда в жизни там не окажусь. И никаких иллюзий по этому поводу не строил, учитывая свою биографию и все привходящие обстоятельства. Это было очень удобно для мысленного конструирования того мира, в котором я никогда не побываю. Это было все равно, что заниматься майя. Париж воображаемый был вполне уютным, понятным, интересным. Потом Советский Союз зашатался, образовались трещины и в одну из них меня

¹⁴ Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009.

¹⁵ Вишленкова Елена Анатольевна – российский историк, специалист по истории России XIX в., истории российских университетов.

и затянуло. Я впервые поехал за границу и сразу, как говорилось, в «капстрану». Но советскую власть в 1989 г. еще никто не отменял. Меня включили в состав делегации в Париж на последний советско-французский коллоквиум. Для коллоквиума я написал текст, изложил какие-то свои научные идеи, очень волновался. К тому времени лет мне уже было немало, и вот – «земную жизнь пройдя до половины», я стал оформлять документы на выезд. При этом я должен был по образцу написать на себя характеристику за подписью «треугольника»: секретаря парткома, дирекции и месткома. Я написал, собрал подписи и принес характеристику сотруднице Национального комитета историков, очень доброжелательной даме, которая, посмотрев бумагу, сказала: «Павел Юрьевич, Вы забыли написать, что морально устойчивы». В те времена нужно было писать в эпилоге: «морально устойчив и политически грамотен». Политически грамотным в то время я себя считал (сейчас уже нет), а насчет моральной устойчивости у меня были какие-то сомнения, и я не стал это сам про себя писать. Я сказал, что не буду этого делать. Состоялся диалог:

– Как же так, это же необходимо!

– Нет, не буду писать.

– Тогда Вы не поедете!

– Не поеду, так не поеду.

– Знаете, если Вас выпустят, это значит, что советская власть кончилась.

Я поехал, и она действительно кончилась. Я иногда размышляю, стоило ли мне тогда ехать, чтобы разрушать империю. Знать бы, что будет дальше, может, еще подумал бы.

Впечатления от поездки, конечно, оказались очень сильными. Это были мои практически первые полноценные контакты с коллегами. Впрочем, кое-какой опыт встреч с французскими историками у меня уже имелся. За год до этого в Москву приезжала Мари-Ноэль Бодуэн-Матузэк, прекрасный архивист-палеограф, издатель актов Генриха II. В.Н. Малов¹⁶ попросил меня ей помочь. Я провожал ее в ЦГАДА (нынешний РГАДА), там что-то объяснял, пару раз она давала мне почитать документы, что-то я пытался в них понять. Так что опыт профессионального общения у меня уже был.

¹⁶ Малов Владимир Николаевич (1938–2019) – советский и российский историк, специалист по латинской палеографии и истории Франции XVII–XVIII вв.

Т. К. Первая поездка была связана с участием в коллоквиуме, где Вы соприкоснулись с миром франковедов. Как Вы восприняли среду французских медиевистов?

П. У. Конечно, с большим интересом. Немного шокировала узость их профессиональных корпораций. Та же самая Мари-Ноэль пришла в здание Института славянских исследований на rue Michelet, где проходил коллоквиум, меня проведать. И туда же пришел выступать Филипп Контамин¹⁷. Кто из наших медиевистов в 1980-е гг. не знал, кто такой Филипп Контамин? Она же спросила: «Кто этот месье? Филипп Контамин? А, что-то слышала». Она занималась XVI–XVII вв., а он – XV в., и это были абсолютно разные миры, что вполне естественно. У нас человек, который занимается русским XVIII в., тоже совершенно спокойно может не знать человека, который занимается русским XV в., и прекрасно себя чувствовать. Но нам такая «узость» казалась странной и удивительной. Российские историки, которые занимаются Французской революцией, тоже могут не знать Контамина, но мы-то, специалисты по XVI в., тогда считались медиевистами, а что это за медиевист, который не знает Контамина?! И в этом было существенное различие между нами и французами. Во Франции специалист по XVI в. не считался медиевистом. Те, кто занимается 1499 г., – еще медиевисты, а человек, который изучает время Франциска I – уже «модернист» – *seizièmiste*. Сейчас этот барьер стал у них более проницаемым, но тогда само по себе его существование показалось мне удивительным (может быть, на взгляд новичка), и я придал ему особое значение.

Т. К. Павел Юрьевич, первая поездка была связана с участием в научном мероприятии, а когда Вы впервые побывали во французских архивах?

П. У. Первые попытки работать с архивами я предпринял, когда меня взяли в Институт всеобщей истории. Я, как честный человек, в 1985–1986 гг. ходил в ЦГАДА и пытался работать с коллекцией Ламуаньона. Не очень преуспел, но когда Мари-Ноэль приехала, я хотя бы мог понять, о чем идет речь. Не могу сказать, что у меня талант палеографа. Это странно, поскольку у меня ужасный почерк, и, казалось бы, я должен понимать другие почерки. Но нет, ничего подобного. И все же я что-то как-то разбирал. Однако системати-

¹⁷ Филипп Контамин – французский историк-медиевист, специалист по военной истории и истории дворянства.

ческой палеографической подготовки у меня нет. Во французских же архивах я оказался случайно. Появилась система стипендий Дидро, но она предназначалась для молодых, я же по возрасту не проходил. В то время многие активно ездили по этой стипендии, а я был уверен, что это всё не для меня. Но как-то С.Я. Карп¹⁸, кстати, тоже выпускник МГПИ, меня спросил, почему я не подаю заявку на стипендию и посоветовал написать (спасибо ему за это!). Я подал заявку, и она, к моему удивлению, хорошо прошла.

К тому времени уже была написана моя книга «Французы XVI в.: взгляд из Латинского квартала»¹⁹, основанная на анализе студенческих дарений. Это отдельная история, как я добывал эти источники, которые были изданы во времена Третьей республики в серии «История Парижа». Я их нашел в Ленинграде в Отделе Полиграфии Публичной библиотеки (ныне – Российская национальная библиотека) и очень обрадовался: все-таки это цельный комплекс источников, остальное – лишь разрозненные фрагменты. Это более или менее компактная публикация актов за отдельный период, среди прочего включающая в себя много дарений студентам. В Москве такое же издание хранилось в научной библиотеке им. А.М. Горького МГУ, но доступ туда открыт был только для выпускников МГУ. Остальным – лишь разовые посещения. Меня не пустили, хотя я уже работал в Академии наук и был кандидатом наук. Тогда я пытался заказать эту книгу по межбиблиотечному абонементу через Ленинку, но расстояние в четыреста метров, разделявшее эти две библиотеки, оказалось непреодолимым. В итоге мне эту книгу в микрофишах в начале 1990-х гг. прислали через абонемент из Хьюстона, и работал я уже с ними. В этом была определенная поэтика.

Т. К. Для чтения таких копий нужна же специальная аппаратура.

П. У. Аппаратов для чтения микрофиш в Москве, по-моему, было всего два: один стоял в ИНИОН, второй в Ленинке – на нем я и работал.

Продолжу про заявку на стипендию Дидро. В ней я указал, что написал на основе дарений книгу о французском обществе. Понимаю, что выборка была ущербной, но все-таки это выборка. Но после я заметил, что в каждой из групп дарений (адвокатов, прокуроров, буржуа, торговцев) я находил акты, которые, с одной стороны,

¹⁸ Карп Сергей Яковлевич – российский историк, специалист по эпохе Просвещения.

¹⁹ *Уваров П.Ю.* Французы XVI века: взгляд из Латинского квартала. М., 1993.

были крайне интересными, но с другой, их трудно было назвать типичными. Потом, когда у нас оформилось микроисторическое направление, представленное альманахом «Казус», я использовал эти «девиантные» документы как пример классического казуса. Из них я собрал досье, в котором было порядка 28 подобных нестандартных случаев, описал их и указал в заявке: то, что я мог сделать в Москве, я сделал, а если в Париже можно будет посмотреть, нет ли в судьбах авторов этих документов чего-то исключительного, то моя задача будет считаться выполненной. К такой идее меня подтолкнула карьера ученого секретаря сектора в Институте: я смотрел большие архивы, которые сейчас куда-то исчезли, где были в том числе и заявления на поездку за границу, подобные тому, которое я писал. Эти заявления были сделаны по одному образцу, но некоторые из них выделялись, как, кстати говоря, выделялось и мое. И когда я посмотрел, кто их авторы, это как раз были такие люди, как А.Я. Гуревич²⁰, Л.М. Баткин²¹, Ю.Л. Бессмертный²². Я тогда подумал, что они же не специально так писали, ведь их задача была поехать за границу. Их, в конечном счете, все равно не выпустят, но, когда писали, они об этом не знали. Они составляли заявления по образцу, но все-таки какая-то их натура там прорывалась. Точно также могло происходить и с дарениями. Это была моя гипотеза, которую я поехал проверять. Но я столкнулся с океаном документов XVI в. Я стал работать с минутами нотариальных актов, которых было порядка 600 тыс.

Т. К. В таком океане документов можно ведь было утонуть! По какому принципу Вы их отбирали?

П. У. Я и утонул. Но дальше стал ориентироваться по регистрам дарений Шатле – это, конечно, тоже море, но не такое большое. В регистрах указывались имена нотариусов (на документе стояли подписи двух нотариусов), тогда как в публикации, с которой я работал в Москве, подписи нотариусов были опущены. А это уже зацепка. Тогда уже можно было сплошняком просматривать минуты из конторы данного нотариуса за какой-то период. Сохранность минут нотариальных актов очень неплохая, поскольку

²⁰ Гуревич Арон Яковлевич (1924–2006) – советский и российский историк-медиевист, специалист по истории средневековой европейской культуры.

²¹ Баткин Леонид Михайлович (1932–2016) – советский и российский историк, культуролог, специалист по истории и культуре Возрождения.

²² Бессмертный Юрий Львович (1923–2000) – советский и российский историк-медиевист, специалист по аграрной истории, исторической демографии, частной жизни и повседневности Средневековья.

ку они хранились как частная собственность нотариуса, которая передавалась по наследству, продавалась, именно потому и сохранились. Если бы они были сданы в архив, то сгорели бы во время Революции или Парижской коммуны. А так, хотя что-то и погибло, сохранность составляет более 50%. Так я находил документы за нужный период, а дальше листал дела, не попадет ли знакомая фамилия. Я исходил из того, что человек, если был парижанином, ходил, как правило, к одному и тому же нотариусу. Что-то удавалось найти, что-то приходилось искать по биографическим словарям. На удивление, нашлось немало.

Так вот, составил я заявку на грант, пошел подписывать к заместителю директора института М.М. Наринскому²³. Он сказал, что смотреть ничего не будет и заявку подпишет, но дал рекомендацию: «Если Вы напишете, что собираетесь заниматься социальным движением во Франции, историей рабочего класса или буржуазии, Вы ничего не получите. Но если поедете заниматься, например, запахами Парижа, у Вас есть шанс». Я потом даже подвел под это базу, опираясь на теорию праздного класса Т. Веблена. Но мне удалось получить стипендию Дидро на полгода (1994–1995), а в следующем году – продление еще на три месяца. По итогам проекта я опубликовал статью во французском журнале. И, как мне объяснили, допустил большую ошибку: пока я ее не опубликовал, мог бы еще раз просить грант на завершение публикации. Но, тем не менее, в течение двух лет я по несколько месяцев проводил во Франции, освоил архивную систему, знал как в ней ориентироваться, как искать. То, что мне сразу пришлось приступить к работе с нотариальными минутами, оказалось очень тяжело, но это стало и козырем, потому что большинство французов не решается туда лезть, а работают лишь очень немногие или же иностранцы – американцы, немцы, японцы, корейцы, которые упорно над этими документами сидят и терпеливо читают их. Большинство же французов считает, что читать всё это невозможно.

Т. К. Кто-то до Вас работал с теми документами, которые Вас интересовали?

П. У. Да, Робер Десимон²⁴ и его семинар, действительно, работали с нотариальными актами, правда, больше с XVII–XVIII вв. и не так много с XVI-м. Это был семинар, основанный еще Дени

²³ Наринский Михаил Матвеевич – советский и российский историк, специалист по Новейшей истории Франции.

²⁴ Робер Десимон – французский историк, специалист по истории Франции.

Рише²⁵, откуда вышли многие коллеги, работавшие более ли менее систематически с нотариальными минутами. Дени Крузе²⁶ начинал с ними работать, но затем ушел с этого материала. Как он потом объяснял: «Я приступил к работе, но начал терять зрение по одной диоптрии за полгода и понял, что через несколько лет я стану очень хорошим палеографом, но абсолютно слепым». Поэтому он перешел на печатные тексты, на памфлеты XVI в., с чем французы очень мало работали. Раньше французскую диссертацию нужно было писать исключительно на неопубликованных источниках. А диссертация Д. Крузе, которая защищена в 1989 г. и опубликована в 1990 г., была последней диссертацией на степень *Docteur d'État*²⁷, но при этом первой диссертацией по XVI в., написанной на опубликованных источниках. Это вызвало скандал, отголоски которого я застал и много лет спустя после той защиты. Д. Крузе брал листовки, памфлеты, огромный массив литературы, но это были печатные источники, с которыми мало кто работал. А потом он создал свою школу.

Т. К. Работа с архивными документами в итоге привела Вас к более широкому взгляду на историю Франции, прежде всего историю Парижа XVI в., и в соответствии с логикой исследования Вы перешли от университетской тематики к изучению социального мира.

П. У. Я оставался одной ногой в университетской теме, потому что изначально обращался к дарениям студентам. И значительная часть второй моей монографии²⁸, ставшей основой для докторской, была посвящена анализу этих документов. Докторская, кстати, никак не была связана с темой кандидатской.

Т. К. Поездки на долгий срок во Францию позволили Вам ближе познакомиться с ее научной средой и обзавестись там контактами.

П. У. Р. Десимон и Д. Крузе приглашали меня читать лекции, выступать с докладами по своей тематике. В 2000-е гг. я, действительно, этим пользовался, но далее уже нет. Последний раз я был

²⁵ Дени Рише (1927–1995) – французский историк, специалист по истории Франции XVI–XVIII вв. и истории Французской революции.

²⁶ Дени Крузе – французский историк, специалист по истории Франции XVI в.

²⁷ Ученая степень *Docteur d'État* соответствовала нашей докторской степени. Сейчас во Франции для получения второй, после PhD, ученой степени – *Habilitation* – не требуется представлять отдельную диссертацию; защита происходит по совокупности ранее опубликованных трудов.

²⁸ *Уваров П.Ю.* Франция XVI в.: опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004.

во Франции как приглашенный профессор со своими темами в 2012 г. Сейчас поколение, с которым я сотрудничал, уже пенсионеры, а новых постоянных институциональных связей у меня не осталось. Для меня всегда было важно именно человеческое общение. Общался я, кстати, и с «интеллектуальным подпольем» – с вечно обиженными людьми, для которых коллеги при должностях – это презренные «мандарины».

Т. К. Во Франции, да и не только там, сильнее, чем в России выражена поляризация научного сообщества. Есть ученые при должностях и званиях, и есть те, кто, еще не имея поста, только пытается пробиться и получить место.

П. У. Естественно, но подобная ситуация существует и нас, хотя и не в столь отчетливом виде. К тому же во Франции еще есть разделение на правых и левых. У нас это не так чувствительно или совсем не чувствительно.

Т. К. У французских историков Нового и Новейшего времени такое идеологическое размежевание на правых и левых весьма выражено. В медиэвистике оно тоже присутствует?

П. У. Конечно присутствует. Это не всегда проявляется в содержании научных исследований, но от этого зависит, какой пост и в каком университете человек может занять – вот это существенно. Можно усмотреть еще противостояние между «ежами и лисами», условно говоря – между теми, кто ориентируется на «Школу Хартий» или на «EHESS» («Высшая школа социальных исследований»). Для одних приоритетом является источник и акрибия, для других – неожиданные обобщения и яркий стиль изложения. Но, понятно, что в реальности есть масса переходных форм и неожиданных оттенков. Некоторая политическая подоплека здесь тоже присутствует, но в весьма скрытой форме.

Вообще же получить постоянную преподавательскую должность во Франции уже великое дело. Это как в XVI–XVII вв. было стать офицером. А тот, кто не получил такого места, может на это реагировать по-разному: он может продолжать и дальше участвовать в конкурсах, пытаясь прорваться, а может найти себе какую-то тихую нишу и успокаивать себя, говоря, что все остальные, мол, абсолютные идиоты, потому что ленятся заниматься исследованиями и любят руководить, а вот он-то и есть настоящий ученый. Именно эти, так называемые свободные исследователи, и составляют «интеллектуальное подполье». Во Франции это клеймо.

Т. К. Принимают ли французы российских историков за равных себе? Другими словами, насколько совместимы эти две корпорации? Ведь французы, и Вы об этом говорили, занимаются своей историей, для нас же это чужая страна и чужая история. Можем ли мы их чему-то научить в их истории? К примеру, российские историки с воодушевлением воспринимают сказанное иностранными коллегами-русистами, испытывая перед ними определенный пиетет.

П. У. Ну насчет наших историков, испытывающих пиетет перед западными русистами, я не совсем соглашусь. Где-то и когда-то – да, было такое. В 1990-е гг., когда у нас с повышенным вниманием относились к трудам американских историков, действительно, имело место, как говорили тогда, «нашествие терминаторов на Русь». Но затем усилилось и некоторое отторжение.

Относительно же наших отношений с французскими коллегами, надо сказать, что есть люди, которые уехали, интегрировались во французскую научную среду, получили там пост, как, например, Александр Строев²⁹. Есть довольно много людей с русскими фамилиями, я просто не знаю, когда они уехали – это и дети эмигрантов, и те, кто закончил французский колледж в Москве или Петербурге и перебрался во Францию. Некоторым удалось там остаться в профессии и достичь очень неплохих результатов.

Т. К. Это Вы говорите о тех, кто эмигрировал. Мой же вопрос об отношении французских коллег к тем нашим ученым, которые в России занимаются французской историей.

П. У. Что касается медиевистов, то многие французы знают А.Я. Гуревича, некоторые знают Ю.Л. Бессмертного, но знают очень слабо и поверхностно. В.Н. Малова знали, потому что он публиковал информацию о некоторых находках в русских архивах. То, что он историк, писавший про Кольбера, было для них откровением. Статья о нем, которую я написал для «Французского ежегодника» и которую потом мы вместе с Татьяной Барановой, подчеркнувшей, в частности, заслуги Малова как палеографа, издали во Франции, познакомила французов с его творчеством. Есть люди, которые приезжают во Францию и со всеми знакомы, как, например, О.С. Воскобойников³⁰. Отторжение со стороны фран-

²⁹ Строев Александр – российский и французский литературовед, культуролог, специалист по литературе эпохи Просвещения и францужско-русским культурным связям в XVIII в.

³⁰ Воскобойников Олег Сергеевич – российский историк-медиевист, специалист по культуре средневекового Запада.

цузских коллег может возникнуть, если они почувствуют, что ты приехал не просто с дружеским визитом, а хочешь чего-то большего, скажем, проникнуть в их профессиональное сообщество и стать его равноправным членом – к этому далеко не все отнесутся хорошо. В семинаре Р. Десимона ко мне было вполне нормальное отношение, не просто как к говорящей обезьяне, но еще и потому, что я понимал какие-то вещи. Однако в каких-то других сообществах, например, среди историков университетов, меня воспринимали как абсолютно чужого, когда я говорил не о российских, а о французских университетах. И ясно давали это понять.

Т. К. Хотелось бы затронуть тему влияния французской историографии на российскую историческую науку. Французская медиэвистика XX в. стала своеобразным полигоном, где формировались новые методологические направления. С большим опозданием работы французских медиэвистов пришли в Россию. Кроме редких публикаций, до 1980-х гг. российские историки плохо знали труды французских коллег. Появление же в 1980–1990-е гг. переводов этих работ на русский язык породило ощущение свежести идей и вызвало повальное увлечение новыми методологическими подходами. Позже, правда, произошло определенное охлаждение и появились критические оценки, тем не менее роль французской историографии в развитии нашей отечественной медиэвистики оказалась весьма значительной.

П. У. Бесспорно, и тому есть несколько причин. Французы при Ф. Миттеране и еще Ж. Шираке действительно заботились о своей культуре, ее популяризации, в отличие от современных французских лидеров, которые, как у нас любят говорить в определенных кругах – «продались американцам». Французы запустили программу *Pouchkine*, настоящий конвейер по переводу и изданию французских работ в России. Она не всегда функционировала хорошо, но перевели очень многое. Даже в трудные времена, когда печатать научные труды стало невыгодно, эта программа все-таки действовала. Хотя иногда в ней и происходили сбои – все зависело от того, кто руководил. Например, в рамках этой программы однажды напечатали книгу журналиста Робера Амбелена – откровенно бульварную литературу. Кто это разрешил и как это прошло – не понятно. Существовала также издательская программа фонда Сороса «*Translation Project*», которая во многом и по разным причинам была франкоцентричной.

Почему французская историография пользуется у нас повышенным интересом? Когда Гегелю предложили изложить его философию в более читаемом и кратком виде и желательно по-французски, он ответил, что его философия не может быть издана для широкой публики, не может быть сокращена и не может быть изложена на французском. И он как в воду глядел. Французы в значительной степени пишут для публики. Другое дело, что есть разные стили письма для публики. Например, о чем я уже говорил в разных интервью, в 1980–1990-е гг. в тех же самых «Анналах» автор не мог просто написать, что он прочитал такие-то источники и сделал такие-то выводы; он должен был закодировать всё это, пусть не слишком сложно, но все-таки закодировать, и читающая публика шла за автором, получая интеллектуальное наслаждение именно от разгадывания этого ребуса, который заключался в том, что в тексте были имена и отсылки, не очень-то понятные постороннему человеку. А поскольку конечные выводы в общем-то были банальными или не очень сложными, то, когда читатель доходил до них, он испытывал чувство удовлетворения от того, какой же он умный, раз примерно так и думал раньше. И успех такой литературы был очень велик. Когда это пришло к нам и стали переводить того же самого Роже Шартье³¹, я помню реакцию не где-нибудь, а в «Одиссее»: «Что это? Зачем эти пустые слова? Ведь это же так понятно и просто?» Но для французов форма, стиль важны, и они в большей степени работали на свою публику, нежели на нас.

У нас когда-то была очень неплохая школа переводчиков, которая, правда, затем рухнула, но все-таки в 1990-е гг. еще оставались люди, которые могли неплохо переводить. И, наконец, тогда еще существовала общая российская традиция интеллектуальной ориентации на Францию, которая теперь уже уходит. Ведь при слове «французская культура» у нашего человека, как правило, расплывается улыбка на лице.

Т. К. Монополия франкоязычной исторической литературы сейчас, наверное, ушла в прошлое. Сейчас больше переводят работы американских и английских историков.

П. У. Они просто числом берут. Но есть и контраргумент против подобной практики – по-английски и так прочтут, а французский сейчас мало кто знает.

³¹ Роже Шартье – французский историк, специалист по истории книги и книгопечатания.

Т. К. В настоящее время есть общественный запрос на эти переводы. Интерес к медиевистике сейчас крайне высок, но не каждый может прочитать книгу на иностранном языке.

П. У. Это тоже загадка, почему он высок? Любой книгоиздатель вам скажет, что книга по истории Средневековья сейчас ходовой товар. Издатели могут не разбираться в качестве, но чувствуют, что такая литература востребована даже больше, чем в 1990-е гг.

Т. К. И не только литература. Сейчас выходят фильмы по средневековым мотивам, появляются подкасты, блоги, группы в социальных сетях.

П. У. Это уже другая тема – современный медиевализм. И в центре такой моды все равно оказывается Франция. Ж.-Ф. Мишо³² и его история крестовых походов с иллюстрациями – это для публики сейчас то, что надо. А польские исследователи, которые прекрасно работают – это всё же что-то не то. Кароля Модзелевского³³ так и не перевели на русский язык, а он очень прозрачно и интересно и вместе с тем глубоко мыслил и писал. С другой стороны, для самих французов издательский успех в России Ж. Ле Гоффа все равно остается загадкой, особенно если сопоставлять его с Э. Ле Руа Ладюри³⁴. Однако переводят прежде всего то, что легко перевести. Скажем, знаменитого во Франции П. Шоню³⁵ у нас тоже перевели, но поди-ка прочти его. Этим переводом, вышедшим под научной редакцией И.Я. Эльфонд³⁶, я пользуюсь, но мне все равно периодически нужно заглядывать во французский текст, чтобы понять, о чем в данном случае идет речь: текст перенасыщен аллюзиями и сложными оборотами. Ле Гофф же мыслит достаточно просто.

Т. К. Да, у Ле Гоффа прозрачная мысль и легкий язык. Возвращаясь к вопросу об общественном интересе к медиевистике, хотелось бы обсудить, насколько он способствует приращению научной корпорации. Сказывается ли увлечение молодежи Средними веками на притоке желающих профессионально заниматься медиевистикой?

³² Жозеф Франсуа Мишо (1767–1839) – французский историк, автор книг по истории крестовых походов.

³³ Кароль Модзелевский (1937–2019) – польский историк-медиевист.

³⁴ Эммануэль Ле Руа Ладюри – французский историк-медиевист.

³⁵ Пьер Шоню (1923–2009) – французский историк, специалист по истории XVI–XVIII вв.

³⁶ Речь идет о переводе на русский язык книги П. Шоню «Цивилизация классической Европы» (Екатеринбург, 2005).

П. У. Жизнь учит прагматическому мышлению. Общественный интерес должен подогреваться какими-то ответными шагами. Если серьезно, то увлечение Средними веками это форма эскапизма. Делать карьеру на эскапизме можно, но сейчас ведь для этого не обязательно получать дипломы, которые нужно защищать. Проще стать реконструктором. А если говорить о всяких там блогерах, авторах игр и подкастов, то для этого совершенно не обязательно получать историческое образование в области медиавистики. Его можно иметь, но можно и не иметь. Люди не интересуются, как функционировало средневековое общество, они интересуются чем-то другим: как дрались двуручным мечом, как происходила процедура поругания святых и т.д.

Т. К. Сейчас, когда студенты получили право по американскому образцу выбирать спецкурсы, приходится думать, чем их заманить на свой семинар. На какой-нибудь классический спецкурс, который нужен для подготовки специалиста, например, по источникам, студенты не запишутся. А если предложить курс о том, что в Средние века носили, как развлекались и от чего страдали, народ придет.

П. У. Это черта не только нынешнего времени. В 1991 г. запретили Коммунистическую партию и соответственно Историю КПСС, что имело далеко идущие и не вполне проанализированные последствия, например, куда делись все эти люди с кандидатскими и докторскими степенями и чем этот курс замещался. Вот замечательная тема для диссертации! Но вот в Физтехе, что в Долгопрудном, было своеобразное начальство – физики вообще особые люди, и там всегда существовала традиция гуманитарного образования, люди интересовались методологией и философией. Неслучайно этот вуз своего рода близнец Калифорнийского технологического университета, где очень сильна гуманитарная составляющая (наш глава общества по истории университетов М. Файнгольд преподает именно там). И вот в 1991 г. к нам в Институт приехали эмиссары из Физтеха, сказали, что хотят заменить Историю КПСС, и предложили нашим историкам выступить перед их студентами, каждый со своим спецкурсом. Напомню, это был 1991 г., и мы не знали, что будет с нами дальше, вдруг закроют все институты. Собралась команда, и каждый предложил студентам-физикам свой курс. Е.И. Лебедева³⁷ предложила спецкурс

³⁷ Лебедева Елена Ивановна – советский и российский историк, специалист по истории Франции Нового времени.

по Французской революции. У нее был очень интересный курс, и дело не в том, что она – ученица А.В. Адо³⁸, а в том, что она сама по себе очень интересно мыслящий человек и хороший переводчик. И предложила курс о ведьмах и ведовстве моя коллега еще по пединституту Н.В. Симонова³⁹. К Лебедевой не записался ни один человек, сказав, что им революций достаточно. И человек триста записалось на курс к Симоновой, которая в общем не большой специалист по этой теме. Я тогда придумал курс «Университет как амальгама средневековой культуры», и ко мне записалось человек 15–20. Но были некоторые сложности с утверждением на Ученом совете названия моего спецкурса, поскольку декан химфака сказал, что амальгама должна содержать ртуть, а в курсе об этом не было речи. Сколько лет с тех пор прошло, но ситуация до сих пор примерно та же самая. На Французскую революцию по-прежнему нужно заманивать, хотя кто-то, конечно, и заманивается, а на ведьм отбоя не будет.

Т. К. Павел Юрьевич, хотелось бы поговорить о научных школах во франковедении. Новисты, к примеру, могут проследить свою генеалогию «до Герье» и установить, кто кому и кем приходится. Могут ли медиевисты-франковеды выстроить свою родословную?

П. У. Думаю, что нет. Хотя мой учитель А.А. Кириллова, которая мне действительно очень много дала, формально была ученицей Н.П. Грацианского⁴⁰. При желании я могу продлить свою генеалогию, но это будет фикция, набор случайных обстоятельств. Кто сегодня ученик А.Д. Люблинской⁴¹? А уж какая была школа! Разве что Л.И. Киселева⁴². В.В. Шишкин⁴³ считает себя учеником Люблинской и с пиететом к этому относится, но когда не стало Александры Дмитриевны, Владимиру Владимировичу было 8 лет

³⁸ Адо Анатолий Васильевич (1928–1995) – советский историк, специалист по истории Франции и Французской революции.

³⁹ Симонова Надежда Вячеславовна – российский историк-медиевист, специалист по истории Франции раннего Нового времени.

⁴⁰ Грацианский Николай Павлович (1886–1945) – русский и советский историк-медиевист, специалист по аграрной истории.

⁴¹ Люблинская Александра Дмитриевна (1902–1980) – советский историк-франковед, палеограф, специалист по истории западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени.

⁴² Киселева Людмила Ильинична – советский и российский историк-медиевист, специалист по западноевропейской палеографии и кодикологии.

⁴³ Шишкин Владимир Владимирович – российский историк-франковед, специалист по политической и социальной истории Франции XVI–XVII вв.

и жил он не в Ленинграде, а в Барнауле. Скорее это духовное родство, которое вполне ощутимо, но прямой связи «учитель–ученик» здесь нет. Был в Ленинграде Николай Евгеньевич Копосов⁴⁴, франковед дай Бог каждому, но к Люблинской он не имел отношения и, будучи учеником Г.Л. Курбатова⁴⁵, по первому своему призванию был византинистом. Так что всё почему-то сложно со школами. Из ныне действующих правильных «школьных» наставников можно назвать И.С. Филиппова⁴⁶ – у него много учеников, которых он опекает. Но сам он чей ученик, трудно сказать. Может быть, А.Ф. Корсунского⁴⁷? Научным консультантом его докторской был Ю.Л. Бессмертный. Вот у англоведов есть школы.

Т. К. В книги «Между “ежами” и “лисами”», говоря об эволюции научных школ, Вы замечаете, что зачастую на смену блестящему основателю приходят старательные продолжатели, и все вы рождается в бледных эпигонов⁴⁸. Нужно ли заботиться о создании школ и их поддержании?

П. У. Школы имеют целый ряд преимуществ. Люди варятся в одной среде, у них есть определенные правила, что-то в рамках школы дается гораздо быстрее. Можно ли говорить о школе А.И. Неусыхина⁴⁹? Не знаю. Но люди, проходившие через его семинары, выносили что-то общее, усваивали его манеру работать. Критерии школы – понятие сложное. «Школа Анналов» не соответствует всем определениям научной школы. Есть специальная субдисциплина в историографии – «школоведение» и даже проводятся конференции по этой теме. Прекрасная книга Р. Колинза «Социология философий» хорошо показывает на огромном примере – Китай, Индия, древняя и средневековая история, арабский Восток, Запад во всех видах – примерно один и тот же феномен, когда одновременно сосуществовали несколько философских школ, число которых должно было быть не менее 3, но не более 7–8. И в этом есть определенная социологическая закономер-

⁴⁴ Копосов Николай Евгеньевич – советский и российский историк, философ, историограф, специалист по социальной истории Франции.

⁴⁵ Курбатов Георгий Львович (1929–2003) – советский и российский историк-медиевист, специалист по истории ранней Византии.

⁴⁶ Филиппов Игорь Станиславович – российский историк-медиевист, специалист по истории Франции.

⁴⁷ Корсунский Александр Рафаилович (1914–1980) – советский историк-медиевист, специалист по истории раннесредневековой Испании.

⁴⁸ Уваров П.Ю. Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М., 2015. С. 108.

⁴⁹ Неусыхин Александр Иосифович (1898–1969) – советский историк-медиевист, специалист по социально-экономической истории раннего Средневековья.

ность. Есть и другое. Там, где действует научное мальтузианство, как во Франции, чтобы не оставаться в тени учителя, нужно его свергнуть. Что произошло с Ж. Дюби⁵⁰? Ученики стали отрицать всё, что он написал, говоря, что не было никакой «феодальной революции», никакой «феодальной мутации». В этом был элемент мальтузианства, потому что на этом можно было подняться, не дожидаясь, когда мэтра вынесут ногами вперед. Но людей из школы Р. Мунье⁵¹, которые бы опровергали своего учителя, я не знаю. Ле Гоффа никто не пытался свалить, потому что у него не было школы. Он, конечно, обладал влиянием, но не имел учеников, которые бы его ниспровергали. У него явных врагов вообще не было. Поскольку он не имел ученой степени, его не приглашали в жюри, а, стало быть, он ни на кого не писал отрицательных отзывов и ни с кем не ругался.

Т. К. Существуют ли, на Ваш взгляд, внутри корпорации медиэвистов непримиримые разногласия или споры вокруг понятий, идей, концепций? Можно ли сказать, что бои вокруг истории уходят в прошлое? Складывается впечатление, что историки сейчас сидят на своих делянках, с интересом или без него наблюдают за соседями, но в баталии не ввязываются.

П. У. Сейчас нет жарких боев подобно баталиям в Сен-Клу, которые велись в 1960-е гг. о том, было ли во Франции при Старом порядке общество сословным или классовым. Разве что случай, произошедший с Ф.Р. Анкерсмитом⁵² на Международном конгрессе исторических наук в Осло в 2000 г. Великий Анкерсмит выступал с докладом, все его внимательно слушали, но вышел известный в Германии историк Вольфганг Моммзен, внук Теодора Моммзена, и спросил: «А где же Ваша работа с источниками?» Это миры, которые вдруг столкнулись.

Разделение политическое было, и оно остается. Есть и расхождения стиля. Например, есть историки, которые эксцентрично себя вели, но к ним и отношение было соответствующим. Например, историк Ж.-Л. Буржон, писавший о Варфоломеевской ночи, назвал коллег по цеху «баранами панургова стада», которые покорно следуют авторитетам. Это ему не простили, и в хорошей

⁵⁰ Жорж Дюби (1919–1996) – французский историк-медиэвист, специалист по западноевропейской средневековой ментальности, структурам феодального общества.

⁵¹ Ролан Мунье (1907–1993) – французский историк-медиэвист, специалист по истории Франции XVI–XVII вв.

⁵² Франклин Рудольф Анкерсмит – голландский философ, историограф.

компании было принято смеяться над ним. Какие-то частные коллизии, безусловно, существуют, но сейчас, действительно, много делянок и не так много мест, где медиевистам приходится толкаться локтями. Французские историки могут вступить в противоречие во время конкурса на определенную должность. Например, один занимается языком политической культуры, другой исследует структуры городского самоуправления – и, казалось бы, сейчас на конкурсе решат, кому отдать предпочтение и, стало быть, какое направление важнее. Однако на деле, когда объявляют конкурс, там, как и у нас, обычно все уже знают, кого возьмут, а потому не так много есть поводов для столкновения.

Т. К. В российской историографии, на мой взгляд, широких дискуссий и жарких споров не наблюдается, не считая единичных резких рецензий, которые, по сути, являются «стычками местного значения».

П. У. Такая ситуация и у них, во Франции, и у нас не от хорошей жизни. Слишком далеко разбежались галактики. В принципе можно сказать, что существуют дискуссии. Я думаю, что они будут усиливаться, но пока еще мне непонятным способом. Для того, чтобы были дискуссии, нужно понять их смысл. О чем спорить? О том, как было устроено средневековое общество? Это достойная тема для дискуссии, но она сейчас мало кого интересует.

Т. К. А споры вокруг терминов, понятий? Это же повод для диспута.

П. У. Да, повод. Но мне трудно привести свежие примеры. Все приходящие на ум дискуссии по этому поводу имели место 10–20 лет назад. Тогда А. Герро⁵³ написал книгу «Будущее неопределенного прошлого: какой будет медиевистика в XXI в.?»⁵⁴, где дал определение средневекового общества и заметил, что его отличие от последующего состояло в наличии *ecclesia* и *dominium* вместо понятий «религия» и «собственность». Это вызвало всеобщее негодование, но не в том смысле, что он не прав, а в духе: кто он такой, чтобы нам указывать?

Также, когда П. Бушрон издал коллективный труд «Мировая история в XV в.»⁵⁴, это было воспринято сообществом с большой неприязнью: зачем все эти обобщения, вся эта генерализация? Однако есть общественный запрос, который подобное недовольство нивелирует, поскольку обобщения востребованы.

⁵³ Герро Ален – французский историк-медиевист.

⁵⁴ Histoire du monde au XVe siècle / Sous dir. de P. Bousheron. P., 2009.

Т. К. Вы занимаетесь темой, находящейся в хронологическом пограничье между Средними веками и Новым временем: Вы свой и среди медиевистов, и среди новистов...

П. У. Я советский медиевист.

Т. К. По советской периодизации Вы, действительно, занимаетесь Средневековьем. Однако новисты в последнее время активно претендуют на XVI в. как на свою вотчину. Насколько, на Ваш взгляд, велики различия между сообществом медиевистов и новистов? По моему представлению, это два изолированных мира, конкурирующих разве что за право обладать ранним Новым временем.

П. У. Наверное, в каких-то университетах могут идти споры, кто будет читать этот курс, и иногда это вопрос выживания, хотя я могу и преувеличивать. В области академической науки эти сообщества различаются. Российские франковеды-новисты лучше знают друг друга и представляют собой более сплоченную группу. Мне трудно сказать, что есть группа франковедов-медиевистов. Мы знаем друг друга, но и только, никакой солидарности или борьбы не существует. Различие между новистами и медиевистами состоит в том, что нас интересуют разные проблемы, но мне трудно это вербализовать. Новисты, может быть, уделяют меньше внимания истории церкви и культу святых. Хотя есть люди, которые сейчас занимаются янсенистами XVIII в. В медиевистике же история церкви, история святости – я сейчас говорю не о журнале «Средние века», а в целом – активно разрабатываются. Может быть, отличие и в большей источниковедческой нагрузке. В принципе никто не отменял старое правило медиевистов: главное – найти источники, потому что их мало. Правило же новистов – не утонуть в источниках и вытянуть из них то, что нужно.

Т. К. Вы хорошо представляете себе ландшафт российской медиевистики, знаете, по сути, все научные центры, существующие в различных университетах, большинство из которых Вы посещали. Как Вы оцениваете ситуацию с медиевистикой в России? Мне, например, кажется, что происходит вымирание отдельных школ, в университетах из-за слияний исчезают кафедры Средних веков. Нет ли у Вас пессимистических настроений относительно будущего медиевистики?

П. У. Конечно есть. И оно обосновано. Можно с цифрами в руках показать, сколько было школ и сколько их осталось, сколько было на моей памяти центров и сколько осталось. И новых воз-

никло не так много. Утешает лишь то, что я, как историк университетов, могу сказать: так было всегда и это общее ощущение упадка свойственно любому человеку, связанному с университетом или с парауниверситетской культурой. Раньше всё было лучше, а сейчас всё вымирает – так думали и в XIII в. Филипп Гревский, канцлер собора Нотр-Дам и по совместительству канцлер новорожденного тогда университета, говорил, что пока не изобрели слово «университет», всё было хорошо, люди занимались наукой, а теперь все занимаются только склоками и охраной своих привилегий, в то время как студенческая молодежь, пользуясь этими привилегиями, грабит и разбойничает. Некоторые, действительно, считали, что современный им университет сильно испортился, так думают и сейчас. Если сравнивать нынешнюю ситуацию с началом 1990-х гг., то современные условия для изучения истории Средних веков стали гораздо лучше: оцифрованы архивы, доступна научная литература, есть возможности публикации. Понятие «провинция» может уйти в прошлое. Один из наших самых мобильных и активно публикуемых коллег с высоким индексом цитирования – это живущий во Владивостоке Н.Н. Крадин⁵⁵, который раньше других оседлал этого конька.

Т. К. Вы неоднократно говорили о национальной историографии и национальных школах. Может ли при такой разнице культур и традиций существовать единая всемирная историография? Совместимы ли корпорации?

П. У. В отдельных случаях они, возможно, совместимы, но национальные различия существуют и будут сохраняться. Я думаю, что даже в англосаксонском мире есть различия между национальными школами, хотя и не уверен. Есть австралийские медиевисты, есть канадские медиевисты и это не тождественные корпорации даже при полной их открытости и полной взаимопроницаемости: один язык, общие структуры, высокая мобильность. Они не тождественные, но в целом, конечно, сопоставимые. А вот Испания и Португалия – это небо и земля по организации исторической науки и по ходу мыслей историков.

Т. К. Как Вы считаете, можно ли сейчас побудить сообщество российских историков к изучению больших тем и осуществлению больших совместных проектов? Или же медиевистика ориентиро-

⁵⁵ Крадин Николай Николаевич – советский и российский историк, археолог, антрополог, этнолог.

вана на самостоятельное погружение в тему? И вообще, история – это занятие индивидуальное?

П. У. Медиевистика, франковедение, византистика и прочее – это, повторяю, элемент эскапизма. Так было всегда: и сейчас, и в советское время, и в имперское, только камуфлировалось по-разному. Человек, которого в современной ему жизни что-то не устраивает, идет заниматься, к примеру, Кекавменом и уходит в свою особую нишу. Но, с другой стороны, возможны и большие темы. Хотя энтузиазма относительно их в научном сообществе сегодня не наблюдается. Однако убедить людей в необходимости кооперации вполне реально, а потому возможны и какие-то сдвиги в отношении к большим темам.

Т. К. В завершение нашей беседы я хотела бы спросить о Ваших научных планах. В период юбилеев всегда невольно подводишь итог, что сделано, и думаешь, что впереди. Что Вам еще хочется сделать?

П. У. Чего-то нового мне делать уже не хочется. Главное, чтобы оставили в покое и дали возможность закрыть те долги, которые у меня накопились. А это, прежде всего, мой Рауль Спифам. Еще я планирую издать что-то подобное книге «Между “ежами” и “лисами”», поскольку уже накопился материал. У меня также есть большой долг по истории Парижа: когда-то мы начали работать над ней, и этот проект хотелось бы реанимировать. По хорошему нужно еще написать историю университетов, скорее в популярном ключе. Кроме Спифама у меня теперь большой долг перед Клодом Атоном, который, как мне кажется, создал источник настолько уникальный, что французы сами этого не понимают. Между тем, он дает непосредственную возможность выхода в реальность XVI в.

Т. К. Может, я не задала какие-то вопросы, которые, на Ваш взгляд, нужно было бы обсудить. Есть ли темы, о которых мы не поговорили, но которые следовало бы затронуть?

П. У. В завершение коснусь темы франко-российского сотрудничества. Французы долгое время нам помогали и организовали много интересных проектов. Сейчас это сотрудничество несколько ослабло, но хотелось бы его сохранить и приумножить. На мой взгляд, сегодня очень важно предпринимать какие-то усилия, чтобы знакомить французских коллег с нашей историографией, поскольку интерес во Франции к ней, бесспорно, есть.

REFERENCES

- Histoire du monde au XVe siècle / Sous dir. de P. Bousheron. Paris, 2009.
- Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009 [Andreev A.Yu. Rossiiskie universitety XVIII – pervoi poloviny XIX veka v kontekste universitetskoï istorii Evropy. Moskva, 2009].
- Уварова И.П.* Даниэль и все, все, все... М., 2014 [Uvarova I.P. Daniel' i vse, vse, vse... Moskva, 2014].
- Уваров П.Ю.* Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М., 2015 [Uvarov P.Yu. Mezhdû «ezhami» i «lisami». Zametki ob istorikakh. Moskva, 2015].
- Уваров П.Ю.* Франция XVI в.: опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004 [Uvarov P.Yu. Frantsiia XVI v.: opyt rekonstruktsii po notarial'num aktam. Moskva, 2004].
- Уваров П.Ю.* Французы XVI века: взгляд из Латинского квартала. М., 1993 [Uvarov P.Yu. Frantsuzy XVI veka: vzgliad iz Latinskogo kvartala. Moskva, 1993].

Куш Татьяна Викторовна

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Отдела западноевропейского
Средневековья и раннего
Нового времени,
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а
заведующая кафедрой истории
Древнего мира и Средних веков,
Уральский федеральный университет,
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
e-mail: tkushch@yandex.ru

Kushch, Tatiana

Dr. Hab. (History), Chief researcher
of Department of Western Middle Ages
and Early Modern Times,
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences
32a, Leninski Ave., 119334
Moscow, Russia
Head of the Ancient and
Medieval History Department
Ural Federal University
51 Lenin Ave,
Ekaterinburg, 620000, Russia
e-mail: tkushch@yandex.ru
Researcher ID H-9248-2017
ORCID: 0000-0001-9097-5466
Scopus ID: 57214235683